

15. Черников В.Ф. Могильник в Н. Новгороде близ больницы имени Н.А. Семашко // Записки краеведов / сост.: Н.И. Куприянова, Л.И. Шиян. – Н. Новгород, 1991.

К ИЗУЧЕНИЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА «ГОРОДОК» И ВЫЯСНЕНИЮ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ

Ю.В. Сочнев

История Нижегородского края давно занимает свое достойное место в общеисторическом процессе нашей страны. Однако, как хорошо известно, комплекс источников по средневековому периоду Нижегородского краеведения не слишком обширен. Расширение информационной базы возможно, и, к счастью, активно происходит благодаря работе археологов. В последние десятилетия изучались различные объекты, и среди них исторический памятник в черте Нижнего Новгорода, названный археологами «Городок». В «Государственных списках недвижимых памятников истории и культуры Нижегородской области» он зафиксирован под двойным названием: городище «Городок», селище «Городок». Данный памятник был обнаружен в 1988 г. нижегородским археологом А.Ю. Рогачевым на правом берегу реки Оки, приблизительно в 800 м. выше ее слияния с рекой Волгой, недалеко от храма адвентистов седьмого дня на ул. Шевченко. С тех пор на его территории неоднократно проводились археологические разведки и обследования, а в 2003 и 2004 гг. значительная его часть была раскопана экспедицией под руководством Н.Н. Грибова. Этот же исследователь опубликовал результаты археологического изучения памятника и высказал ряд своих соображений относительно его атрибуции и исторической судьбы [1; 2, с. 141–155]. Его выводы были широко подхвачены сначала нижегородскими археологами, а затем стали повторяться и в среде нижегородских краеведов.

На интерпретацию исторической судьбы вышеуказанного археологического объекта «Городок», по всей видимости, повлияла дискуссия в нижегородском краеведении о времени основания Н. Новгорода, где в качестве одного из ключевых аргументов фигурирует так называемый «Старый городок», упоминаемый в царской грамоте 1593 г. как топографический ориентир на берегу р. Оки, а также летописные известия 40-х гг. XV в. о «Старом» и «Меньшом Нижнем Новгороде».

Конечно, престижно изучить объект и представить результаты, которые смогли бы разом разрешить споры историков и краеведов. Однако выводы относительно особенностей функционирования «Городка» и его исторического значения, предложенные Н.Н. Грибовым, не всегда достаточно аргументированы и далеко не бесспорны.

С методологических позиций одна из самых главных претензий к исследованиям Н.Н. Грибова – уж очень часто используются внешние, голые аналогии без реального анализа имеющихся в распоряжении современного исследователя исторических источников. Если бы такой анализ проводился, неизбежно стала бы «вылезать» неудобная информация и на ее основе возникать острые вопросы. Справедливости ради следует отметить, что изучаемые проблемы весьма сложны, и далеко не все связанные с ними вопросы, на имеющемся на данный момент материале, полностью разрешимы. В связи с этим, обратим к нижегородским археологам призыв объединить усилия в изучении этих проблем. К сожалению, такое сотрудничество не очень характерно для нижегородской историко-краеведческой среды.

Сомнения и возражения в основном вызывают некоторые общеисторические выводы, сформулированные Н.Н. Грибовым. Археологическая часть работ, обобщающая результаты проведенных под его руководством раскопок, напротив, представляется достаточно серьезной, аргументированной и обоснованной. Автор данной статьи, хотя и имеет давний опыт общения в этой среде, не считает себя специалистом и не стремится на равных спорить с опытным археологом, да это и не нужно, поскольку, по нашему мнению, археологические исследования были выполнены вполне профессионально, и выводы в этой части в основном убедительны.

Далее, исходя из небольшого объема публикации, немного отступим от академических подходов и рассмотрим дискуссионные вопросы по четырем группам:

- 1) историческая судьба археологического объекта «Городок»;
- 2) возможность определения археологического объекта «Городок» как резиденции Нижегородских наместников;
- 3) «Городок» и «Меньшой Нижний Новгород» – правомерность отождествления;
- 4) соотнесение объекта «Городок» со «Старым городком», известным из царской грамоты 1593 г.

В своих статьях Н.Н. Грибов определил тип изучаемого поселения как мысовое городище, рассматривая его в дальнейшем как крепость-осаду, существовавшее со второй половины 40-х – нач. 60-х гг. XV в. и до начала XVI в. [1; 2, с. 149; 152]. Такие оценки были крити-

чески восприняты некоторыми нижегородскими археологами, справедливо указывавшими на слабую доказательность в определении изучаемого археологического объекта как городища (городка), а уж тем более крепости [3, с. 32–40]. Следы укреплений на объекте, на данный момент, не обнаружены и в целом степень его защищенности и тип поселения определены весьма гипотетично. В этом вопросе Н.Н. Грибов пока лишь опирается на поздние и косвенные данные, отнюдь не археологические.

Поддерживая посыл критиков Н.Н. Грибова в необходимости более серьезной аргументации в этом вопросе, в то же время считаем возможным в целом поддержать его общий вывод, несмотря на риск возможного использования в определенной перспективе против наших исторических построений. Скорее всего, изучаемый объект действительно был укрепленным пунктом, в значительной степени с военнизированным характером жизни на нем, что определенно следует из особенностей археологического материала обнаруженного на данном памятнике. Обратим внимание на некоторые документы и информацию, которые, как представляется, могут быть полезны для понимания особенностей функционирования укрепленного поселения, которое далее будем называть «Городок».

Особенности топографии местности, где расположен «Городок», определяли его значение для обороны Нижнего Новгорода в XV в. Укрепленный пункт в данном месте мог прикрывать не только подступы к городу вдоль реки Оки, что было важно в связи с периодическим разрушением во время половодья прибрежных укреплений, но и обеспечить контроль за движением по одной из ключевых дорог, ведущей из Нижнего Новгорода в Муром. Взглянув на карту города, мы увидим, что система оврагов, и сейчас хорошо видимая, а в средневековье еще более масштабная, активно этому способствовала. Такое расположение «Городка» было удобно не только для обороны города, но также и для выполнения определенных административных и таможенных задач.

Кроме того, данное укрепление осуществляло прикрытие перевоза через Оку, который существовал в XV в. вблизи нижегородского Спасо-Благовещенского монастыря. Об этом свидетельствует жалованная грамота 1446 г. великого князя Дмитрия Юрьевича архимандриту этого монастыря Малахии. Этим актом в числе других монастырю была предоставлена и следующая льгота: «А князи мои и воеводы ратные в том монастыри, ни у их людей не ставятся, ни мои наместники, ни их тиуни. Или пошлю кого тамо на свою службу, на великого князя, и они под монастырем у них не ставятся, ни перевоза себе не чинят, ни судов, ни людей монастырских на перевоз себе не емлют» [4, с. 204].

Защита перевоза, обеспечивавшего устойчивую связь с левым берегом Оки, где в рассматриваемое время уже полным ходом велось хозяйственное освоение прибрежных земель, была для нашего города крайне важна как в мирное, так и особенно в военное время. Кроме того, исходя из особенностей местности на левом берегу Волги напротив центра Нижнего Новгорода, можно предположить, что начало пути в Городец также было связано с указанным перевозом вблизи Благовещенского монастыря. Все это в совокупности определяло стратегически важное значение данного участка пригородной территории Н. Новгорода для обеспечения обороны города, а также для осуществления городских административных и таможенных функций. Поэтому появление вблизи него некоего укрепленного пункта вполне логично и ожидаемо.

При выяснении факторов, способствовавших возникновению «Городка», следует также учесть роль Благовещенского монастыря в жизни нашего города и края в XV веке. Эта духовная обитель в указанное время являлась неотъемлемой частью городской системы и одновременно одним из ключевых пунктов в механизме московского управления всем Нижегородским Поволжьем. Обитель принадлежала к числу домовых митрополичьих монастырей, земли которых были собственностью московской кафедры. Поэтому управление его богослужбными и хозяйственными делами осуществлялось непосредственно митрополитом, а не местными церковными и административными властями. Как видно из патриарших и великокняжеских грамот XV – XVI вв., Благовещенский монастырь играл важную роль в обеспечении материальных нужд кафедры главы русской церкви. В XV в. сам монастырь и принадлежащая ему слобода выше по течению Оки еще не были защищены системой городских укреплений, что, безусловно, делало актуальным появление укрепленного пункта, способного обезопасить подступы к его владениям с юго-западного направления.

Еще одно обстоятельство способствовало возникновению своеобразного военизированного поселения в непосредственной близости от Благовещенского монастыря и его владений – тяготы постоя войск во время военных действий. С конца 30-х гг. XV в. начинаются регулярные походы русских войск против Казани, и нередко местом сбора войск, частью двигавшихся по Оке, был район Нижнего Новгорода. Показателен в этом плане поход 1469 г., когда по приказу великого князя против восточного недруга было собрано большое войско, в состав которого, по сообщению Софийской II летописи, входили московские, муромские, угличские, ярославские, костромские и др. рати [5, с. 166–167]. Постой войск всегда был довольно тягостен и обременителен для гражданских домовладельцев, в том числе и для монастырских

дворов в Благовещенской слободе. Вышеуказанная льготная грамота прямо свидетельствует, что власти Благовещенского монастыря стремились избежать воинского постоя. Многотысячное войско, судя по летописному сообщению, располагалось на берегах именно Оки. Но где же могли размещаться воины? Простые ратники могли жить на берегу в палатках и на судах, ну а командный состав, формировавшийся из высшего сословия, все же стремился, как это видно, например, из рассказов иностранцев, к более-менее комфортным условиям размещения. Так, где же могли жить, причем порой довольно длительный срок, командиры отрядов остававшихся в Нижнем Новгороде и в его предместьях? Очень вероятно, что в специализированном военизированном укрепленном поселении на берегу Оки, имевшем, судя по описанию Н.Н. Грибова, не такие уж малые размеры. Сейчас мы детально не говорим о причинах этого, констатируем лишь территориальное совпадение района размещения войск и местонахождения «Городка».

Перейдем к возможности интерпретации этого военизированного поселения как «резиденции московской великокняжеской администрации в порубежном Н. Новгороде» [1; 2, с. 152]. У последователей Н.Н. Грибова этот вывод трансформировался в более конкретную и исторически еще более значимую оценку «Городка» как резиденции нижегородских наместников, по меньшей мере, на протяжении всего XV в. Именно в такой интерпретации, как уже общепризнанный результат, автору данных строк довелось это слышать в докладе И.В. Ануфриевой на VI конференции памяти В.Ф. Черникова. Однако в самих публикациях Н.Н. Грибова, строго говоря, никакого конкретного обоснования данного вывода нет. Он подается как само собой разумеющийся результат, вытекающий из анализа археологических находок. Но приводимые в статьях оценки в лучшем случае могут подтвердить лишь военизированный характер жизни на данном поселении, использование его для реализации отдельных административных (например, таможенных) функций и только. Ни о каком долговременном расположении здесь высшей административной власти в Нижегородском крае речи идти не может. Такой важный общеисторический вывод требует гораздо более серьезного обоснования не только на основе археологического материала и связанных с ним туманных аналогий, но и тщательного анализа имеющихся письменных источников.

Недостаток аргументации в этом аспекте Н.Н. Грибов пытается компенсировать отождествлением «Городка» и «Меньшого Нижнего Новгорода», известного из летописных сообщений. Этот логический прием позволяет автору развернуть свои выводы и говорить, что его возникновение: «... было связано с передачей этому поселению неко-

торых важных городских функций. Вполне вероятно, что в середине – второй половине XV в. именно это новое поселение на берегу р. Оки с “расквартированным” военным гарнизоном служило административным центром нижегородской земли, тогда как Нижний Новгород Старый, в котором сохранялись главные местные святыни – каменные Михаило-Архангельский и Спасо-Преображенский соборы, заложенные почти одновременно с основанием города еще в XIII в., оставался, преимущественно, средоточием культурной и религиозной жизни» [1; 2, с. 153].

Вывод не только интересный, но даже революционный. Хотелось бы задать вопрос его автору, любящему использовать историко-археологические аналогии, а где в средневековой Руси еще наблюдалось подобное явление? Может в Новгороде или в Москве? И как это в практическом плане было вообще осуществимо, учитывая символическую составляющую верховной власти? Эта неотъемлемая часть властных отношений прекрасно заметна и сейчас, например, в том, где размещается резиденция главы нашего государства, а тем более она была весьма действенна в средневековом обществе. Приведенные Н.Н. Грибовым результаты археологических исследований не развеивают возникающих сомнений, без исследования письменных источников опять не обойдешься.

После процитированного выше вывода в статье Н.Н. Грибова, для его подтверждения, дается короткая цитата из летописи, повествующая о начале похода в мае 1469 г. против Казанского ханства [1; 2, с. 153]. Но проблема в том, что прочтение всего летописного сообщения обнаруживает полное отсутствие упоминаний о каких либо представителях московских властей в Нижнем Новгороде, да и вообще о жизни города. В нем речь идет только о воинах, прибывших по приказу великого князя в наш город для подготовки к походу, и их командирах. По традиции перед началом боевых действий были совершены торжественные молебны в главных храмах Нижнего Новгорода, являвшегося местом сбора войск [6, с. 282; 5, с. 166–167]. Вот и весь сюжет! Как это может подтвердить передачу некоторых важных городских функций «Городку», понятно, видимо, только Н.Н. Грибову.

Еще один аргумент «против» связан с безопасностью столь важного административного центра, каким пытаются представить «Городок». Нижегородский край в XV в. был пограничным, что определяло высокие риски различных нападений и прочих военных действия. Напомним, что наличие укреплений на «Городке» археологическими изысканиями не было выявлено, а сам Н.Н. Грибов на основе поздних картографических данных обосновывал существование укреплений

только в виде короткой оборонительной линии «на перешейке мыса, защищенного со всех остальных сторон обрывистыми бортами склонов» [1; 2, с. 149]. Подобного вида укрепления могли эффективно защищать поселение в раннее средневековье, но не в XV в., когда уже был накоплен большой опыт по штурму различных крепостей, а во время боевых действий массово применялось огнестрельное оружие. В этих условиях размещение на длительный период в «Городке» никак не могло обеспечить безопасность представителям высшей административной власти в Нижегородском крае, что было чревато потерей управляемости территорией и прочими негативными последствиями.

Можно отметить и еще одно обстоятельство, свидетельствующее против выводов Н.Н. Грибова: в летописях, сообщающих об обороне летом 1445 г. «Меньшого Нижнего Новгорода» от татар, отмечен и итог событий – бегство двух воевод к московскому великому князю, которые «градъ же сжегши, понеже изнемогша съ голоду» [5, с. 170]. А судя по статьям Н.Н. Грибова, следы пожара на изучаемом объекте отмечены лишь в верхних слоях и относятся к началу XVI в. [1].

Как считает их автор, «Городок» прекратил существование именно в это время в результате какой-то внезапной катастрофы и больше не возобновлялся. Важно отметить, что именно в начале XVI в. в непосредственной близости от места расположения «Городка», практически через овраг, были построены стены нового городского укрепления, защищавшего посадские строения Нижнего Новгорода. Появление этой более мощной и надежной системы защиты Нижнего Новгорода делало ненужным восстановление «Городка».

Теперь затронем вопрос об отождествлении «Городка» с «Меньшим Нижним Новгородом». В своих статьях Н.Н. Грибов прямо формулирует такой вывод, но при этом вновь не проводит необходимого разбора письменных источников, а просто ссылается на мнение В.А. Кучкина [1; 2, с. 153]. Такая позиция автора не убеждает, особенно потому, что приводимое мнение московского исследователя является одним из результатов комплексного разбора сведений письменных источников о Нижнем Новгороде 40-х гг. XV в. [7, с. 230–231]. Взаимозависимые итоги этого разбора далеко не во всем совпадают с выводами Н.Н. Грибова в частности с отождествлением «Городка» также со «Старым городком», но последний этого предпочитает не замечать. В отличие от убедительного определения В.А. Кучкиным местоположения «Старого Нижнего Новгорода», локализация им «Меньшого Нижнего Новгорода» где-то на берегу Оки выглядит мало аргументированной. Использование направления движения московских войск в качестве главного критерия в этом процессе, представляется далеко не бес-

спорным. Здесь ощущается проявление полемического настроения исследователя в ущерб объективности. Но нижегородского археолога ничто не смущает и он, основываясь, по сути, на предположении, хотя и известного историка, выдвигает свое предположение. «По совокупности признаков – наличию укреплений, расположению на правом берегу р. Оки в 1,5 км от старой (XIII–XIV вв.) нижегородской крепости, меньшим размерам (0,7 га; площадь нижегородского детинца – около 20 га), датировке в пределах периода середины XV – начала XVI вв., наличию социально престижного инвентаря, оружия и воинского снаряжения, с городищем Городок можно отождествить Нижний Новгород Меньший, известный по сообщению 1445 г. Софийской второй летописи» [1; 2, с.153].

В данном случае отождествляющие признаки выглядят достаточно спорными, если не сказать произвольными. Главным должен быть анализ летописного сообщения, содержащего информацию о «Меньшом Нижнем Новгороде», но его нет. Неопределенность с наличием укреплений «Городка» выше уже отмечалась, нахождение на берегу Оки видимо выдвигается во главу угла только потому, что об этом писал В.А. Кучкин, ну а малая площадь поселения, хронология существования и социально престижный инвентарь сами по себе не предполагают безусловной одновариантной трактовки.

Осмелимся выдвинуть свое объяснение указанных сведений, несмотря на грозящий обрушиться на его автора шквал критических нападок. Здесь, еще раз подчеркнем, ключевым является внимательное прочтение именно летописных статей. В ограниченных рамках данной публикации привести в исчерпывающем варианте всю аргументацию не представляется возможным, поэтому постараемся сделать это в кратчайшее время в отдельной статье. Сейчас же, в общем виде изложим суть гипотезы.

Сведения о «Старом» и «Меньшом Нижнем Новгороде» дошли до нас в составе летописных сводов XV и более поздних веков. Профессиональный анализ их соотношения был сделан В.А. Кучкиным [7, с. 223–231], что облегчает нашу задачу. С выводами этого известного историка относительно месторасположения «Старого Нижнего Новгорода» нужно согласиться. Наш оппонент, безусловно, прав, когда утверждает, что под этим названием в 40-х гг. XV в. понимался Нижегородский кремль [8, с. 94]. Однако после того как было выполнено его исследование, появилось довольно много новой информации о средневековом Нижнем Новгороде, в частности уточняющих расположение древоземляных укреплений детинца и посада.

Для решения рассматриваемого вопроса очень важными оказываются результаты обследования части территории Нижегородского кремля, проведенные в 1989 г. под руководством Т.В. Гусевой. В ходе охранных археологических работ были обнаружены и исследованы остатки древних укреплений, идущие с севера на юг под зданием современной комендатуры от Коромысловой башни вдоль оврага, по которому проходит Ивановский съезд, к волжскому откосу. На основе этих результатов исследователь осторожно заключила, что «в восточной части современной кремлевской территории располагался древний посад, а Спасский собор находился на посадской земле» [9, с. 22–23]. Сопоставление этих результатов с топографией нижегородского кремля позволяет говорить о том, что древние укрепления, располагавшиеся внутри современных каменных стен, возможно, возникли в разное время и делились Ивановским оврагом на две части. К заключению об изначально двухчастной структуре древнего Нижнего Новгорода склоняется и санкт-петербургский археолог В.А. Лапшин, работавший в Нижегородском кремле [2, с. 147]. Соотнося эти сведения с летописными известиями о нашем городе 40-х гг. XV в., в которых отразились местные традиции кремлевских названий, можно предположить, что «Старым Нижним Новгородом» в указанное время именовалась часть Нижегородского кремля на Часовой горе, а «Меньшим Нижним Новгородом» его восточный Спасский сегмент. Таким образом, вышерассмотренные локализации наших оппонентов представляются не точными.

В заключение коснемся еще одного отождествления, предлагаемого Н.Н. Грибовым. Он считает возможным отнести информацию о «Старом городке», содержащуюся в вышеупомянутой царской грамоте 1593 г., к изучаемому «Городку». «Привязка старого городка и места оползня в Нижегородском летописце к берегу р. Оки (а в Рогожском летописце места оползня – к Благовещенскому монастырю) позволяет предположить, что в основе представлений о старой крепости автора Нижегородского летописца и составителя грамоты 1593 г. лежал один и тот же объект, реальным археологическим эквивалентом которого является городище Городок. Связанное с ним поселение в середине XV в. было известно как Нижний Новгород Меньший» [1]. Как видим, столь сложный и запутанный высказыванием противоречивых версий вопрос решен только на основе предположения археолога. Автору данной статьи неловко претендовать на какой-то разбор собственных построений по этой проблеме, хотя ссылка на статью где они изложены имеется, но вот игнорирование мнения того же В.А. Кучкина, на работы которого вроде бы готов опереться Н.Н. Грибов, удивительно. Еще

раз отметим, что ведущий московский историк считает сведения о «Старом Нижнем Новгороде» и «Старом городке» относящимися к Нижегородскому кремлю [8, с. 94]. К этому можно добавить существование и других мнений по данному вопросу [10; 11]. Выяснить, кто же оказывается прав, Н.Н. Грибов предоставляет читателю, не особенно заботясь об усилении своей позиции. Нам представляются сомнительными обе вышеотмеченные версии. «Старый городок» нельзя отождествлять ни с Нижегородским кремлем, ни с изучаемым в данной работе «Городком». Разрешаться этот вопрос может только на основе конкретного и тщательного анализа информации, извлекаемой из грамоты 1593 г. и связанных с ней других источников с обязательной привязкой к ориентирам на местности. Сейчас нет возможности излагать свои аргументы, но в перспективные научные планы автора данной статьи уже включена подготовка специальной работы для разрешения рассматриваемого вопроса.

Обобщая вышеизложенное, отметим важность и значимость работы по изучению археологического объекта, коротко именуемого «Городок». Это укрепленное поселение на окраине средневекового Нижнего Новгорода, едва ли являлось в долговременной перспективе отдельной резиденцией высших административных властей в нашем крае, скорее всего это было предградное укрепление. Оно имело важное оборонительное значение особенно в XV в., когда отсутствовала третья внешняя линия укреплений Нижнего Новгорода. С ее появлением исчезла необходимость в «Городке», и он прекратил свое существование. Выгодное стратегическое расположение данного укрепленного пункта вблизи дорог и перевоза через Оку способствовало его использованию для реализации некоторых административных функций. Несмотря на наши критические замечания по отношению к ряду выводов и оценок, высказанных Н.Н. Грибовым в связи с изучением «Городка», нельзя отрицать вклад этого исследователя в изучение истории Нижегородского края. С уверенностью можно говорить, что его работы и статьи по-прежнему будут вызывать повышенный интерес у ученых, студентов и у всех любителей истории.

Источники и литература

1. *Грибов Н.Н.* Нижний Новгород в XV веке: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusarch.ru/gribov1.htm> (дата обращения: 21.05.2014).

2. *Грибов Н.Н., Латишин В.А.* Нижегородский кремль в XIII–XIV и XV веках // Археологические вести. – М., 2008. № 15.

3. *Гусева Т.В.* Фальшивые бриллианты мнимой истории // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории / сост.: О.С. Аржанова, А.А. Кузнецов, А.В. Морохин. – Нижний Новгород, 2012.
4. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. – М., 1951. Ч. 1.
5. Софийские Летописи / ПСРЛ. Т.6. – СПб., 1856.
6. Московский летописный свод конца XV века / ПСРЛ Т.25. – М.; Л., 1949.
7. *Кучкин В.А.* О Нижних Новгородах – «Старом» и «Меньшом» // История СССР. 1976. № 1.
8. *Кучкин В.А.* Основание Нижнего Новгорода // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI века: материалы второй областной научно-практической конференции 5–6 декабря 2001 года. – Нижний Новгород, 2002.
9. *Гусева Т.В.* Археологическое исследование Нижнего Новгорода. Итоги и перспективы // Город славы и верности России. – Нижний Новгород, 1996.
10. *Чеченков П.В.* К вопросу о местонахождении “Старого городка” в Нижнем Новгороде: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Calendar/1999/Apr/lomonos99/Chechen.htm> (дата обращения: 21.05.2014).
11. *Чеченков П.В.* Новая песня о «старом» // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории / сост.: О.С. Аржанова, А.А. Кузнецов, А.В. Морохин. – Нижний Новгород, 2012.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ РАЗНОГО ЭТНИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В 1630-е гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖЕГОРОДСКОГО И АЛАТЫРСКОГО УЕЗДОВ)

М.И. Балыкина

Социальная и этническая структура русского общества XVII века была довольно сложной по своему составу. Это касалось и социальной группы служилых людей «по отечеству», то есть тех, кто нес службу по наследству, от отца к сыну. В данной работе рассматриваются отношения между русскими дворянами, детьми боярскими и служилыми людьми иных этнических групп в Нижегородском и, отчасти, Алатыр-